
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Трудно, пожалуй, встретить журналиста, который в глубине души не считал бы себя писателем. И если бы только не каждодневное редакционное кружение, не вечное мелькание тем и заданий, он бы тотчас сел за свой компьютер, старомодную пишущую машинку, а то и стал бы за конторку с пером в руке, как это делал Лев Толстой, или лег на диван с пюпитром на животе — излюбленная поза Хемингуэя.

И сочинил нечто такое, от чего писатели дружно почернели бы от зависти. Им даже не нужно было бы быть для этого особенно завистливыми. Просто ничего другого им бы не оставалось. Ведь смешно даже сравнивать убогий запас наблюдений и впечатлений какого-нибудь романиста, пусть даже и недурного, над которым он трясется, как скупердяй, с тем, что видел любой рядовой журналист, чья профессия постоянно сталкивает его с множеством самых разнообразных людей в самых необычных обстоятельствах, от хирурга, делающего опе-

рацию в открытом море кашалоту, до одинокого смотря космического маяка где-нибудь на Марсе.

Вот только сесть бы, стать, лечь и... Большинство, к счастью, так никогда и не соберется сделать это и умирает в печально-счастливой уверенности, что только обстоятельства помешали им занять достойное место в пантеоне мировой литературы. Меньшинство все-таки заставляет себя вывести на дисплее своего компьютера или листе бумаги столь долгожданные слова: часть первая, глава первая. Некоторые идут еще дальше — они ухитряются даже родить одну-две фразы, а то, поднаторев, и целый абзац. Но усталость от таких родов и жалкий, рахитичный вид новорожденных, недоношенных строк обычно переполняют литературного новобранца таким острым разочарованием, что опыты его в области изящной словесности на этом благополучно и заканчиваются. Причем очень важно бросать литературные попытки сразу и больше не возвращаться к ним. Тогда неглубокие раны на авторском самолюбии рубцуются быстро, через месяц-другой оно уже снова крепенькое и целенькое, и можно опять сетовать на обстоятельства, которые не дают, и так далее. Причем сетовать искренне и спокойно, чувствуя себя защищенным от новых наскоков на литературу надежным иммунитетом.

И лишь у единиц хватает безумной самоуверенности, терпения, решимости и желания долгими месяцами, а то и годами без устали сражаться с сюжетом, героями, стилем, отдельными словами и самим собой в призрачной надежде, что когда-нибудь эта бесконечная война закончится и на поле боя будет лежать толстенькая рукопись со словом «конец» на последней странице.

Автор этой книжки журналист, но то, что вы держите сейчас перед собой в руках, вовсе не доказывает, что он обладает всеокрушающей силой воли, которая позволила ему пройти или проползти весь тернистый путь, ожидающий начинающего писателя. По складу своего характера он принадлежит как раз к тому большинству журналистского племени, которое всю жизнь терпеливо и требовательно придумывает название своему первому не написанному еще роману.

Просто год тому назад меня вызвал к себе главный редактор нашей телегазеты. Виктор Александрович долго смотрел на меня, тяжело и шумно вздыхал, и я начал было думать, что сейчас он прояснит что-то о предстоящем сокращении штатов и что, как один из самых молодых сотрудников, я должен сам проявить инициативу в этом благородном деле. Я уже мысленно перебирал те немногие редакции, где меня более или менее знали и куда я мог предложить свои услуги, когда редактор, помассировав свой мягкий, безвольный подбородок, спросил:

— Коля, ты Шухмина видел когда-нибудь?

— Шухмина? — растерянно переспросил я, все еще занятый мысленно своим будущим нелегким трудоустройством. — Какого Шухмина?

— Боже мой, — сказал плаксиво Виктор Александрович, — и это спрашивает репортер. Летописец эпохи. Человек с бездонной памятью и быстрым умом. Ка-ко-го Шух-мина? — передразнил меня главный редактор.

Конечно, я давно уже вспомнил, кто такой Юрий Шухмин, но мы с главным всегда играли в маленькие

игры. Эдакие элегантные служебные скетчики. Пусть без зрителей, но все равно приятно. На этот раз я выбрал роль редакционного дурачка. Надо сказать, что это амплуа для меня, наверное, естественно, поэтому удастся лучше других.

— А че, правда? Кто этот Шухмин?

Виктор Александрович скривил свои толстые губы и брезгливо покачал головой.

— Нет, Коля, сегодня ты явно переигрываешь. И знаешь, почему?

— Не-е,— дурашливо протянул я, не в силах так быстро спуститься с эстрадных подмостков в редакторский кабинет.

— Потому что, похоже, у тебя и в жизни есть кое-что общее с изображаемым простачком.

С секунду или две я колебался, обиженно ли засопеть или рассмеяться вместе с главным, потому что Виктор Александрович уже начал складывать свое обширное гуттаперчевое лицо в смешливую улыбку. По натуре мне проще улыбнуться, чем обидеться, поэтому я вежливо захихикал.

— Так вот, друг Коля, наши подписчики уже несколько раз в последнее время жаловались, что мы чересчур поверхностны. Смотри, как изящно выразился один из них.

Виктор Александрович нажал на кнопку своего настольного компьютера, и на дисплее появились строчки:

«Ваши материалы иногда напоминают мне плоские камешки, которые ребятишки любят бросать в воду. Камешек нужно бросать параллельно поверхности, тогда он много раз рикошетирует, пока в конце концов не пой-

дет ко дну, растратив свою кинетическую энергию на легкие прыжки».

— Вот так,— кивнул Виктор Александрович,— растратив свою кинетическую энергию на легкие прыжки... Гм... А ведь недурно сказано, хотя несколько вычурно. Как ты считаешь, Коля?

Я хмыкнул неопределенно, а главный еще раз кивнул и сказал:

— Осторожен ты, братец, не по годам. Тебе сколько?

— Вы же прекрасно знаете,— обиделся почему-то я,— у вас феноменальная память.

— Это верно,— легко согласился главный редактор,— это верно. Память у меня действительно необыкновенная. Тебе тридцать два года, ты родился в двадцать первом веке, а расчетлив, как столетний ветеран.

— Я не потому хмыкнул, Виктор Александрович,— твердо сказал я.— Я свое мнение вам всегда честно в глаза выскажу: газета наша делается просто замечательно.

Мы снова оба вежливо поулыбались, и Виктор Александрович сказал:

— Легкие прыжки. Очень точное сравнение. Скользим по поверхности. И это, к сожалению, верно. Торопимся. Быстрее, быстрее в эфир. А нужно и остановиться иногда, друг Коля. Осмотреться. Удивиться по-детски окружающему. Спросить себя: как? почему? зачем? А потом что? И написать об этом. Немножко старомодно. Неторопливо. Подробно. Я спросил тебя, помнишь ли ты Юрия Шухмина.

— Конечно. Это тот парень, которого послали одного на какую-то планету и который помог...

— Совершенно верно.

— Но ведь о нем столько уже написано.

— Камешки, Коля, легкие прыжки по поверхности. Вот посмотри, что пишет все тот же подписчик.— Виктор Александрович передвинул на экране текст и увеличил абзац.— Вот, прочти, я даже подчеркнул его слова.

«Я, наверное, видел Юрия Шухмина на экране раз десять, а то и больше, слышал его, читал рассказы о его странной командировке на Элинию, но я так и не мог составить впечатления, что он в сущности за человек, что он чувствовал, когда оказался один в чудовищной дали, как сумел выполнить свою миссию».

— Ты согласен? — спросил Виктор Александрович.

— Да, наверное.

Я сказал «наверное» просто так, для элегантности слога. Автор письма был прав. Сто раз прав. И до него мы не раз говорили об этом на наших редакционных летучках.

— Попробуй, Коля. Встреться с Шухминым, побеседуй с ним, не раз, не два, не торопясь. Ты же сам сказал: о нем столько уже написано. Столько — и мало. Одни плоские камешки, пущенные торопливыми репортерскими руками. Сделай серию очерков. Неторопливых, обстоятельных. Согласен?

— А интересно это будет?

— Вот-вот, об этом я и говорю. Молодой человек, почти мальчик, летит один на чужую планету, потому что он, только он может помочь жителям Элинии, которые просили землян о помощи, молодой человек, в высшей степени неподходящий ни для космических

путешествий, ни для дипломатических миссий, человек без настоящей профессии и образования,— а ты спрашиваешь, интересно ли! Забудь о спешке, не ищи обязательно новые факты, копни просто поглубже, больше психологии. Ведь мы как пишем? Два десятка глаголов, сотни две-три существительных, ну там несколько прилагательных и наречий. Почти столько, сколько освоили высшие человекоподобные обезьяны, когда их научили языку глухонемых. Взял то, поехал туда, сделал то. Правильно, о Шухмине все уже сказано. Но именно так. А ты опиши, как взял, как ехал, как делал. И что при этом думал, что чувствовал. Понимаешь?

— Да, пожалуй.

— Вот и отлично. Ты выступишься с ним завтра в десять утра, я уже договорился.

— Не спрашивая моего согласия?

— Не валяй дурака, я знал, что ты с удовольствием возьмешься за такое задание.— Он пристально посмотрел на меня и хитро сощурился.— Признайся, ты ведь подумывал в глубине своей юной репортерской души, что смог бы написать хорошую книгу. Подумывал?

— Да,— вздохнул я,— если честно, да.

— Тогда это твой шанс. Книжку мы передадим подписчикам по каналу очерков и издадим. Представь себе: держишь в руках, как младенца, такую симпатичную книжечку, а на обложке твоя фамилия. А? Твой шанс, Коля. Мы говорим: не упустить свой шанс. Но когда мы сталкиваемся нос к носу с этим шансом, мы норовим зачастую вежливо раскланяться с ним и мирно разойтись, а то и перебежать трусливо на другую сторону улицы. И знаешь, почему? — Главный редактор

оживился, видимо, упиваясь своей мудростью и красноречием.

— Нет,— я почтительно покачал головой.

— Потому что упущенный шанс все равно остается шансом. Он сохраняет нам самоуважение. А пойманный шанс требует действия, иначе ты загубишь его, а заодно и собственное самоуважение.

— А где живет мой шанс?

— Вот его адрес. Это Икша, маленький городок под Москвой. Желаю удачи.

Так и родилась эта книжка. Моя роль в ней, в сущности, невелика, она свелась в основном к легкой стилистической обработке рассказов Юрия Шухмина. Вначале я думал использовать их для традиционного приключенческого романа, но потом понял, что гораздо важнее литературных красот сохранить непосредственность самого участника описываемых событий. Читатель, возможно, заметит, что в начале книжки я еще присутствую в качестве собеседника Шухмина. Когда я первый раз целиком перечитал свою рукопись, я заметил, что чем дальше — тем меньше становится моих реплик. Я слишком увлекся рассказом Шухмина. Сначала я хотел было что-то исправить, но потом решил оставить: пусть книжка будет такой, какой получилась.

Москва, январь 2043 года